

Понятие «риск» вошло в нашу жизнь на производстве. Социальные науки очень робко осваивают новое поле деятельности. Но, социальные риски, связанные с неустойчивостью развития и функционирования общества в условиях рыночной экономики, очень часто оказывают решающее воздействие на уровень развития. Источниками их могут быть спонтанность и непродуманность преобразований, неустойчивость властных структур, социально-правовая незащищенность, разрушение социально-значимых идентичностей, институционализация теневых и криминальных структур и т.д.

Демографические проблемы, с которыми столкнулись практически все республики бывшего Советского Союза, можно расценивать как реализацию механизма своеобразной защиты от высокой степени социальных рисков. Популяционный риск – особая проблема, имеется в виду угрожающее снижение рождаемости в стране и снижение продолжительности жизни. Переход на основы глобального развития привел к усиленному росту отдельных городов, уменьшению численности в сельской местности, и небольших городках. Последовавшие за этим: неустроенность, высокие цены – с одной стороны, роскошь и ослепительная яркость, богатство, с другой – приводят к маргинализации значительных слоев населения.

Новая социально-экономическая реальность ставит на повестку дня вопрос о роли труда в жизни человека. Практика жизнедеятельности человека показывает, что человеческие возможности и уровень их использования находятся в соотношении 100:2, т.е. человек в производстве может потратить только ограниченное количество энергии. Любое недоиспользование работоспособности необходимо расценивать не только как экономические, но и существенные потери человека и общества. Сегодня очень сложно сказать, какое количество бездомных, безработных, социально деградированных стали таковыми по причине невостребованности.

Поклонение осязаемым благам привело к тому, что люди, занятые интеллектуальным трудом, находятся на низшей ступени экономико-социальных ценностей. Признание социального господства в развитии общественных отношений в целом и человека в отдельности – это очень сложный, но необходимый путь. Технократизм управления развитием обладает большими возможностями по формированию облика человеческой жизнедеятельности и вряд ли с радостью начнет делиться своим статусом. Но, все чаще и чаще раздаются голоса о том, что социальная компонента пронизывает все элементы человеческой жизнедеятельности. Социологии в изменившейся социальной реальности, на наш взгляд, необходимо смелее заявлять о себе, проводить исследования, отражающие изменения не только в социальных системах, но и изучать механизмы, воздействующие на эволюционные и революционные преобразования в обществе.

Зерцалинова Т. Е., г. Екатеринбург

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАКТИЧЕСКОГО СОЦИОЛОГА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Цель данной статьи заключается в попытке применить принципы неклассической социологии к анализу деятельности практических социологов, занимающихся организацией и проведением эмпирических социологических исследований.

Предпринимая попытку систематизировать большое количество существующих в социологии концепций и парадигм, Г. Е. Зборовский рассматривает пять метапарадигм, сложившихся в теоретической социологии: классическую, неоклассическую, постклассическую, неклассическую, постнеклассическую. Одна из названных метапарадигм –

неклассическая социология – «включает в себя символический интеракционизм, феноменологию, этнометодологию, теорию обмена. Объект парадигмы – общество как конструкция непрерывно меняющейся реальности агентами, которые производят социальные изменения; предмет неклассической социологии – изучение процесса конструирования человеком меняющегося социального мира» [1, с. 52]. В другой классификации данная метапарадигма называется интерпретативной (иногда гуманистической) социологией.

Один из представителей неклассической социологии Г. Гарфинкель проводит сравнение исходных предпосылок двух установок – обыденной и научно-теоретической, которые были описаны Альфредом Шюцем. Гарфинкель подчеркивает, что речь идет о научно-*теоретической* установке. «Установка, лежащая в основе реального научного изыскания, – это совсем другое дело» [2, с. 334]. В свою очередь и А. Шюц различал экспериментальную сторону науки, которую он относил к повседневности, и научное теоретизирование, которое он считал собственно наукой. («Шюц не принимает во внимание экспериментальную, «деятельностную» сторону науки, справедливо полагая, что научное экспериментирование остается по сию сторону повседневной жизни, оно представляет собой одну из областей трудовой повседневности, когнитивный стиль которой определен наличием в ней практических целей, составлением проектов и реализацией деятельности для их достижения).

Научное теоретизирование, полагает он, не практическая трудовая деятельность, а созерцание, предполагающее принятие особой созерцательной, или теоретической установки...

Научное теоретизирование или научная теория в строгом смысле слова – это теоретизирование, которое «не служит практическим целям. Его цель – не овладение миром, а наблюдение и понимание его» [3, р. 245]. Такой подход вполне обоснован с точки зрения социологии повседневности, ибо, если можно вообще говорить о науке как определенной специфической сфере опыта, то это будет именно научное теоретизирование. Ибо прикладная наука, как это следует из самого этого названия, есть приложение, применение научных результатов к потребностям жизни, т. е. к целям, рождающимся и живущим в повседневном мире. В свою очередь, эксперимент в науке – также целенаправленная деятельность, ее цели лежат вне ее самой, они задаются научной теорией. Получается, что с точки зрения учения о конечных областях значений теоретическая наука и есть собственно наука, ибо она не преследует никаких целей, коренящихся в мире практической трудовой деятельности» [4, с. 73–74].

Таким образом, деятельность практических социологов, занимающихся организацией и проведением эмпирических социологических исследований, может быть отнесена к области повседневности и регулируется обыденной установкой. Исходные предпосылки обыденной установки заключаются в следующем: 1) практик исходит из того, что объекты окружающего мира таковы, какими они кажутся, и другие люди придерживаются такого же ожидания; 2) обычный человек испытывает практический интерес к событиям окружающего мира, которые способны реально и потенциально влиять на действия субъекта и подвергаться влиянию его действий; 3) временная перспектива повседневной жизни заключается в том, что человек использует схему стандартного времени как средство планирования и координирования своих действий с действиями других людей, средство соотнесения своих интересов и действия с интересами и действиями других людей; 4) в повседневной жизни человек использует схему коммуникации, основанную на «естественных фактах жизни», которую обязаны знать и принимать на веру другие люди, использование этих естественных явлений жизни – условие сохранения подлин-

ного членства в группе; 5) повседневные события наполняются неотъемлемым фоном «невыхаживаемых смыслов», фоном того, что известно о себе и других и никого более не касается, иными словами – личной жизнью [2, с. 297-301]. Если принять во внимание утверждение, что практическая деятельность социолога регулируется обыденной установкой, то становятся вполне объяснимыми те отклонения от идеальных стандартов научно-исследовательской деятельности, которые практические социологи часто допускают в своей работе, и которые приводят к снижению качества эмпирического исследования.

Г. Гарфинкель, опираясь на классическую работу Альфреда Шюца по проблеме рациональности [5] перечисляет значения этого понятия: 1. Категоризация и сравнение. 2. Допустимая ошибка. 3. Поиск «средств». 4. Анализ альтернатив и последствий. 5. Стратегия. 6. Учет времени. 7. Прогнозируемость. 8. Правила процедуры. 9. Выбор. 10. Основания выбора. 11. Сопоставимость отношений цели – средства с принципами формальной логики. 12. Семантическая ясность и четкость. 13. Ясность и четкость как таковые. 14. Соответствие определения ситуации научному знанию [2, с. 287-292]. Эти формы поведения обозначаются как «рациональности». Четыре рациональности (с 11 по 14) Г. Гарфинкель называет «научными рациональностями», так как они «фактически проявляются как стабильные свойства действий и как санкционируемые идеальные модели, только если действия регулируются научно-теоретической установкой. Для действий же, регулируемых обыденной установкой, характерно отсутствие этих рациональностей ни в качестве стабильных свойств, ни в качестве санкционируемых моделей» [2, с. 296]. Остальные рациональности (с 1 по 10) могут проявляться в действиях, регулируемых любой установкой, причем и как стабильные свойства, и как санкционируемые модели. Таким образом, если относить практическую деятельность социолога по проведению эмпирических исследований к области повседневности, то для нее также характерны рациональности с 1 по 10 и отсутствие рациональностей с 11 по 14.

По мнению Г. Гарфинкеля, «в действиях, управляемых исходными предпосылками обыденной жизни, научные рациональности можно использовать лишь как неэффективные идеальные модели. Научные рациональности не являются ни стабильными характеристиками, ни санкционируемыми моделями повседневной жизни, и любая попытка стабилизировать эти свойства или добиться их соблюдения в обыденной деятельности лишь увеличит бессмысленность поведенческой среды человека и умножит черты дезорганизации в системе взаимодействия» [2, с. 308.]. Однако это утверждение требует уточнения, когда речь идет о деятельности практического социолога. Очевидно, что научные рациональности не являются стабильными характеристиками его деятельности: в реальной профессиональной деятельности мы регулярно сталкиваемся с нарушениями требований, предъявляющихся к процедуре эмпирического исследования, но они все же являются санкционируемыми моделями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зборовский Г. Е. Метaparадигмальная модель теоретической социологии / Тезисы докладов III всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения: Социальные процессы в современной России: традиции и инновации». Т. 1. М.: КДУ, 2007. С. 49-54.
2. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.
3. Schutz A. Collected Papers. Vol. 1. P. 245.
4. Ионин Л. Г. Философия и методология эмпирической социологии: Учебное пособие. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.
5. Schutz A. The problem of Rationality in the Social World. *Economica*, Vol. 10, May, 1943.